

Андрей ВЕТОШКИН

Краснодар

Этнополитическое строительство в современной России: взгляд с позиций “диалогической социологии”

Андрей Геннадьевич Ветошкин — аспирант кафедры новейшей отечественной истории и социологии Кубанского государственного университета, социолог. Его дипломный проект (1999) был связан с определением проблем и перспектив методологии “понимающей социологии”. В настоящее время автор работает над диссертационной темой: “Социальные детерминанты политического поведения: диалогический подход”.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ проблемы стали сегодня предметом пристального внимания ученых-обществоведов. И это неудивительно. В настоящее время этнический фактор представляет собой один из наиболее распространенных источников общественных противоречий и политической нестабильности. Однако если раньше в отечественной науке анализ этнонациональных характеристик общества ориентировался больше на ситуацию в странах так называемого “третьего мира” (ведь в Советском Союзе согласно официальной доктрине не могло быть национальных проблем), то сейчас внимание российских ученых все сильнее приковывается к этнополитическим проблемам на территории постсоветского пространства, и, прежде всего, в самой Российской Федерации. И тому есть объективные причины.

Во-первых, это факт распада Советского Союза. Крушение казавшегося могучим и неделимым государства заставило ученых серьезно задуматься о валидности применявшихся более 70 лет подходов к строительству полинационального государства. Тем более, что новое Российское государство, несмотря на значительные территориальные сокращения, в полной мере унаследовало этнополитические особенности многонационального образования.

Во-вторых, пересмотр прежних подходов продиктован также и сменой политического курса России. Так, переориентация на демократичес-

кие нормы и формы управления предполагает выработку одновременно гуманных и эффективных методов государственного строительства, где на первое место выступают принципы равенства и свободы всех политических субъектов. Однако как показала уже новейшая история, подкупающая простота и удобство “народовластия” оказались едва ли не самым сильным испытанием для всего российского общества. Вместе с ошибками пришло и осознание необходимости научного, профессионального подхода к управлению сложными социополитическими процессами, и в первую очередь это касается вопросов этнополитического строительства.

Наконец, в-третьих, вопросы этнополитики обретают особый научный статус в нашей стране еще и в качестве развития международного научного интереса к этой проблеме — феномен усиления этнического фактора в общественном сознании и политической практике исследователи всего мира все чаще оценивают как закономерное явление конца XX века¹, требующее отдельного изучения.

Таким образом, актуальность этнополитической проблематики не вызывает у нас сомнений. Подтверждением этому служит и тот факт, что непосредственно вопросами этнополитического строительства уже сегодня начинает заниматься специально под данный предмет выделяющаяся научная дисциплина — этнополитология². Мы не случайно употребили в данном случае фор-

мулировку, подчеркивающую незавершенность этого процесса. Это момент, на котором мы хотели бы особо заострить внимание. Дело в том, что до настоящего времени это сравнительно новое научное образование не утвердилось в своем предмете и методе, и вопросы, так или иначе связанные с национальным фактором, достаточно успешно рассматриваются через призму устоявшихся научных подходов, и с ними не спешат расставаться уже завоевавшие свое место в науке дисциплины. Так, этнополитические вопросы в том или ином контексте попадают в поле зрения политологов, становятся предметом исследования этнографов и активно обсуждаются в среде социологов. Очевидно, что новый “логос” в процессе становления и методологической самоидентификации будет черпать свои основания в первую очередь из этих дисциплин. Каким путем из множества современных научных течений пойдет новая наука? На какие принципы она будет опираться? Эти вопросы отнюдь не праздное любопытство. От ответа на них зависит направление и характер будущих политических преобразований. Именно поэтому одновременно с актуальностью самих этнополитических проблем особую важность приобретает комплексный анализ всех научных подходов к их решению. Как раз в этот многотрудный процесс настоящая публикация и призвана внести свой небольшой вклад.

Правда, здесь необходимо сразу оговориться. Данная статья, хотя бы в силу специфики жанра, ни в коей мере не претендует на исчерпывающий анализ прикладных или теоретических этнополитологических (или социологических) исследований последних лет. Ее цель намного скромнее: предложить вниманию читателей, исследователей самый общий анализ этнополитического строительства современной России с позиции нового, пока еще широко не обсуждаемого “диалогического” подхода, с позиций “диалогической социологии”. Возможно, контурное определение проблем и исследовательских задач в новом ракурсе поможет ученым более плодотворно решать актуальные этнополитические проблемы. Однако поскольку в силу своей новизны этот подход как самостоятельное научное направление еще не был сколько-нибудь подробно освещен в научных публикациях, мы уделим ему отдельное внимание.

Научный статус “диалогической социологии”

Итак, мы определяем “диалогическую социологию” как относительно новое направление

социальной науки, складывающееся на стыке социологии, философии и социальной психологии и изучающее жизненные процессы людей в их социальном контексте. В этом определении заслуживают отдельного комментария два нюанса.

Первый – относительность новизны. Этой оговоркой мы хотим подчеркнуть глубокую преемственность данного направления. “Диалогическая социология”, будучи плодом размышлений над дипломным проектом, зародилась в попытке определения проблем и перспектив методологии понимающей социологии, и в этом она “стара” ровно настолько, насколько старо *понимание* как метод познания. Соответственно не приходится жаловаться и на недостаток публикаций по этой тематике – понимающая методология во всех своих проявлениях испытывает в настоящее время ренессанс³. С другой стороны, “социология диалогизма”⁴, вобрав в себя наиболее перспективные качества методологических разработок предшественников, открывает новые грани понимания и в гносеологическом и в общемировоззренческом онтологическом плане, что заставляет остановиться на ее содержании более подробно.

Итак, “диалогическая социология” в нашем понимании представляет собой особое видение и восприятие социального мира, при котором последний рассматривается сквозь призму человеческой жизни (причем ее субъективных и объективных начал) и в тесной связи с ней, а не абстрактно и отвлеченно. Сама жизнь при этом понимается как человеческая деятельность.

“Диалогическая социология” видит и творит мир с точки зрения жизненных интересов и ценностей людей, а также с учетом позиции самого ученого, который живет в данном обществе и разделяет его культурное пространство вместе с этими людьми. В отличие от натуралистической (и позитивистской) социологии, с одной стороны, и феноменологической ветви понимающей социологии – с другой, она обладает способностью “двойного отражения”, рассматривая одновременно как социальное проявляется в жизни людей (в том числе детерминирует ее) и как их собственная жизнь влияет на состояние и изменение социального мира. Чтобы лучше и глубже узнать социальную жизнь людей (общество), социолог вынужден постоянно переходить с одной позиции на другую (то есть рассматривать ее глазами то конкретных индивидуальных и коллективных субъектов, то субъектов, выражающих “всеобщие инте-

ресы и представляющих общественное целое), удерживая при этом общее между ними.

Таким образом, сферой изучения “социологии диалогизма” является социальная жизнь людей, понимаемая как весь жизненный мир, т. е. совместно переживаемое и разделяемое людьми пространство жизни, охватывающее все возможные и действительные горизонты их индивидуального и коллективного опыта. Последний подразделяется соответственно на экзистенциальный мир (сферу индивидуального существования людей) и собственно социальный мир (сферу их совместного и взаимозависимого существования).

“Социология диалогизма” не имеет объекта в его традиционном (“объективистском” и натуралистическом) понимании. Ее объект характеризуется дуалистичностью (индивидуальная и социальная природа) и соответственно двуступенчатостью с точки зрения его постижения средствами социологической науки. На объективном уровне социальной жизни социолог фиксирует факты поведения и взаимодействия участников жизненного процесса, а на субъективном – факты их индивидуального и коллективного сознания, выражаемые в суждениях, оценках мнениях и пр. С этим связано иное, нежели в традиционной социологии, представление о структуре и последовательности социологического постижения социальной жизни.

Для того, чтобы “проникнуть” в социальный мир жизни людей, социологу недостаточно получить объективную информацию, т.е. знание об объекте (той части реальности, которая складывается в результате “естественных” факторов и законов, то есть относительно независимо от сознания действующих субъектов). Необходимо учитывать также то обстоятельство, что объект социального мира конституируются людьми в ходе их жизненной (деятельностной) практики, в ходе общения. Объект рассматривается в данном случае как сфера приложения познавательной или практической деятельности субъекта жизненного процесса (в том числе социолога), вычленяемая им из всех явлений реальности и дистанцируемая по отношению к другим явлениям (объектам).

В центре изучения ученого придерживающегося диалогического подхода становится поступок. Поступок как предмет изучения “социологии диалогизма” представляет собой наиболее содержательный и смыслонаполненный акт человечес-

кой деятельности, а если быть более точными, он является синтезом деятельности и действия. Как деятельность он несет в себе индивидуальный мотивационный контекст, как действие – выступает реализацией конкретной задачи, синтез – связывает его индивидуальную природу с социальным контекстом, наделяет его активной преобразующей энергией, направленной на установление живой связи с другими со-знаниями. В результате такой поступок выступает, выражаясь языком Бахтина, в качестве “исповедального слова” – “слова” о себе, ближайшем окружении и “слова” о мире. Его главное отличие от “простого” действия заключается в том, что он “не со стороны своего содержания, а в самом своем свершении как-то знает, как-то имеет единое и единственное бытие жизни”.⁵

Таким образом, выдвигая в качестве предмета “социологии диалогизма” именно поступок, мы предлагаем исследовать не интенциональный акт, и не мотивированную деятельность, но “ответственную” позицию, цельную точку зрения, являющуюся отражением и того и другого. Только при диалогической встрече с ней мы получаем шанс избавиться от столь критикуемой в “философии жизни” гипотетичности нашего знания, ибо поступок, с которым в этом случае мы имеем дело, представляет собой “осуществление решения... безысходно, непоправимо и невозвратно”, он – “последний итог, окончательный вывод, который “соотносит и разрешает в едином и единственном и уже последнем контексте и смысл и факт, и общее и индивидуальное, и реальное и идеальное, ибо все входит в его ответственную мотивацию”.⁶

В диалоге “ответственных позиций” мы получаем возможность встретиться с человеком, как целостной личностью, войти с ним в диалог “горизонтов”. В результате же пересечения двух (или более) автономных кругозоров происходит разворачивание скрытых и самое главное порождение новых смыслов. В процессе такой коммуникации содержание первоначально интерпретированного поступка неизбежно выходит за свои пределы и включается в соответствующую деятельностьную цепь. Диалогичность понимания придает ему открытый, незавершенный характер.

Обозначенные нами выше методологические основания позволяют сформулировать наиболее общие положения, определяющие научный статус и принципы “социологии диалогизма”.

Итак, “диалогическая социология” это:

1) дуалистическая и диалектическая (синтетическая) социология, признающая двойственность в качестве способа организации социальной жизни и опирающаяся на принцип единства и многообразия социального мира;

2) реляционистская социология, которая рассматривает социальный мир не как реальность, содержащую изначально данную “надындивидуальность”, а как постоянно меняющуюся конфигурацию определенных жизненных процессов и связей между людьми, как “динамическое социальное поле”⁷, которое нельзя уложить в рамки всеобщего и вневременного закона, равно как и составить о нем единственное и навсегда верное представление;

3) деятельностная социология, которая не только преодолевает отчужденное отношение людей к социальным явлениям, но и активно вовлекает их в процесс совместного конструирования социальной реальности;

4) диалоговая социология, строящая логику своего анализа на субъект – субъектном подходе и утверждающая истинную конститутивную природу общества в непрерывном общении равноправных и свободных сознаний;

5) ценностно-ориентированная, гуманистическая социология, направленная на реализацию человеческих ценностей и гуманизацию человеческих отношений;

6) рефлексивная социология, стремящаяся в процессе постижения социальной жизни не просто к объективной фиксации фактов, а к наиболее полному отображению жизненных процессов с учетом “ответственных позиций” их участников, в том числе позиции самого социолога как познающего и преобразующего лица;

7) практическая, а не созерцательная социология, то есть социология действия или изменения, активно участвующая в преобразовании общественной жизни;

8) качественная социология, т.е. социология, основывающая свои выводы прежде всего или преимущественно при помощи качественных, а не количественных методов, отказаться от которых она тем не менее вряд ли в состоянии.

Таковы основные положения “диалогической социологии”. Конечно, в данной статье нам удалось осветить далеко не все стороны этого методологического подхода, но даже приведенные нами особенности позволяют вычлени

более существенные направления практически любой деятельности, в основании которой находится социум. Это в полной мере относится и к этнополитическим процессам.

Диалогизм как принцип этнополитического строительства

Прежде чем подойти к формулировке непосредственно диалогических принципов этнополитического строительства, рассмотрим вкратце его современные наиболее характерные черты.

Первая – статичность, отсутствие динамики. С момента принятия новой Конституции и первых законов, регулирующих межэтнические отношения в нашей стране, прошло немало времени, но “воз” неразрешенных вопросов и ныне там. При том масштабе изменений, которые произошли в России (в том числе и в этнополитическом плане) с 1991 года, единственным спасительным шансом сохранить стабильность и обеспечить позитивное поступательное движение является динамичное проведение реформ на всех уровнях, от реформы системы государственного управления в целом до “реформы” индивидуального сознания. Ведь, как мы помним, общество есть “динамичное социальное поле”. А это означает, что изменения заложены в его внутренней природе, и они будут происходить независимо от того, желает этого кто-либо или нет. Если в течение определенного времени игнорировать поставленные естественным ходом развития межэтнических отношений вопросы, их решение все равно состоится, но в этом случае оно произойдет в одностороннем, монологичном порядке. Самое главное последствие такого решения – бесперспективность, так как решение принятое самостоятельно основывается исключительно на внутренних, самодостаточных основаниях и не предполагает дальнейшего обсуждения, диалога. Такие решения, как правило, предстают уже оформленными в виде жесткого, нередко ультимативного, предъявления своей позиции и осуществляют лишь новый виток усложнения проблемы.

Отсутствие четкого представления федеральных и региональных властей о том, что и как делать, т.е. отсутствие четкой программы действий, является второй особенностью современного этнополитического строительства. Сейчас уже становится очевидным, что основной принцип, применявшийся в проведении реформ, изна-

чально не имел конструктивного содержания, так как представлял собой механическое копирование западного опыта, выступал в форме некоего каприза, мол, “хочется как у них”. Прежние принципы этнополитического устройства, обеспечивавшие несколько десятилетий стабильность государственного устройства (хороши или плохи они были это уже вопрос второй) были отменены, в то время как новые так и не получили внятного оформления.⁸ Такая ситуация привела к симультанному распространению очагов этнополитической аномии, и как следствие, к возникновению различного рода этнополитических конфликтов. Наиболее яркий пример – Чеченский кризис, уже несколько лет держащий в напряжении всю страну. Но были ли сделаны из допущенных ошибок выводы? По-видимому, нет. Если посмотреть на методы сегодняшнего разрешения того же чеченского вопроса, то мы увидим, что власти вовсе не стремятся наладить конструктивное общение. Вместо этого на обработку общественного сознания в лучших традициях тоталитарного государства брошены все силы средств массовой информации. В какой-то степени нынешние жесткие меры действительно оправданы, но необходимо понимать, что военное присутствие не сможет вечно “исполнять обязанности” мирной жизни, что никакая пропаганда никогда не сможет заменить ответственного диалога. Только пережитый вместе опыт решения проблемы и принятые совместно договоренности могут стать интересубъективным основанием для дальнейшего взаимопонимания. Однако на практике все далеко не так идеально. Ведь поступать ответственно нелегко.

Легкий в исполнении и тяжелый по своим последствиям популизм – вот еще одна характерная особенность этнополитического строительства России последние 9 лет. Все мы помним, как “с барского плеча” вслед за суверенитетом союзных республик посыпались признания прав на национальное самоопределение и предложения взять себе суверенитета, “сколько сможете”. Опасность такого подхода заключается в том, что его последствия не имеют сиюминутного воплощения и носят латентный характер. Так, например, в случае с тем же предоставлением “суверенитета-сколько-сможете-взять” казалось бы нет ничего предосудительного – ведь все заинтересованы в сильных регионах, развитых национальных автономиях. Однако, если присмотреться получше, мы увидим, что за приведенной выше формулировкой

кроются глубинные противоречия, которые могут возникнуть и уже возникают при столкновении стратегических интересов общегосударственного развития и местных интересов региональных лидеров (в том числе и лидеров этнических автономий). Избежать их можно, только в случае, если уже в ближайшее время, сейчас, сегодня обнажить эту проблему, сделать ее предметом широкого и открытого обсуждения. И дело здесь не в том, что отрицается или ставится под сомнение принцип регионализма, наоборот, сильная и самостоятельная периферия всегда была приоритетом федеративного государства. Вопрос в согласовании субъект-субъектных диспозиций, достижении такой форма сотрудничества, при которой любая автономия (особенно если она носит этнический оттенок) была бы включена в поле общегосударственных интересов, была бы субъектом общей и в этом смысле централизованной деятельности.

Другой стороной стремления к быстрым и популярным решениям стала поверхностность в решении “мелких” проблем. Активное создание иллюзий сегодня нередко заменяет кропотливую работу. Так, например, такие “незначительные” вопросы, как проблема возрождения культуры исчезающего народа (предметом многолетней дискуссии как раз по этому поводу стало положение адыгов-шапсугов, этноса, вытесняемого с территории его исторической родины и находящегося на грани исчезновения)⁹ или защита прав и интересов национальных и лингвистических меньшинств (проблемы турков-месхетинцев на Кубани) имеют зачастую лишь формальное решение. De jure по этим и подобным им вопросам существуют определенные решения: создаются комиссии по расследованию, созываются конференции и съезды, однако зачастую подобные мероприятия не несут в себе конструктивного содержания, они представляют собой формальность отдаленно напоминающую ритуал оберега от злых духов. Мол, мы же провели конференцию, посовещались, какие же теперь могут быть проблемы. Но такое действие изначально мертво, так как монологично по своей природе. Лишившись главной черты диалога – жизненной ответственности и предметно-смысловой интенциональности, обсуждение проблемы становится бесплодным и бесперспективным.

Итак, мы достаточно много критиковали существующие подходы, но пора переходить к

конструктиву, а именно, ответу на поставленный в начале статьи вопрос: что представляет собой диалогический подход в этнополитическом строительстве?

Во-первых, с позиции “диалогической социологии” исходным принципом этнополитического строительства должен стать реляционизм в определении содержания этнополитических отношений. Ученый, а вслед за ним и практик должны понимать, что этносоциальные процессы не могут быть заключены в рамки вневременных законов, что они являются отражением живых и потому динамичных связей между людьми, а, следовательно, составить единственное раз и навсегда верное представление о том или ином этнополитическом явлении невозможно. Единственный способ не потерять связь с реальным положением дел – это быть постоянно включенным в контекст актуального “бытия – события”, или иначе, – принимать участие в совместной деятельности.

Принцип деятельности – второе условие успешной этнополитики. Этот принцип имеет как минимум два раскрытия, каждое из которых строго обязательно для диалогического подхода. С одной стороны, деятельность выступает как практическое воплощение динамичной природы любого социального образования. И в этом значении принцип деятельности обеспечивает жизненность, динамическую аутентичность приобретаемого знания. С другой – деятельность в диалоге имеет онтологический характер, представляет собой способ бытия, практическую сторону социума. Таким образом, включенность в общую деятельность служит не только целям познания социума, но и оказывает влияние на саму социальную реальность, придавая этнополитическому строительству характер действия и изменения, а не созерцания. В качестве предмета изучения такой подход использует не действие, не социальный факт, но поступок, как наиболее смыслонаполненный акт, включающий в себя и историю проблемы, и направленность вектора ее решения.

Третий принцип этнополитических преобразований в диалогической логике определяет форму взаимодействия – это субъект-субъектный диалог-общение. Такая форма предполагает равноправие участников и, что не менее важно, наличие общей конкретной предметной области вок-

руг которой будет выстраиваться диалог. Если первое требование худо ли бедно, но выполняется, то проблема отсутствия конкретного содержания кроется в непроработанности ключевых направлений этнополитической деятельности государства. До сих пор нет четкого понятийного аппарата, позволяющего внятно определить правовой статус, а значит, и объем обсуждаемых вопросов этнополитического плана. Рисуемый современным законодательством “портрет” коренных народов, как справедливо отмечает Соколовский С. В., “совпадает с той неявной изнанкой дефиниций, которая выхолащивает общегуманистические намерения их авторов, так же, как и патология обыденного мышления, допускающая распоряжение судьбами других..., выхолащивает рациональность проектов устройства судеб коренных народов”¹⁰. Восполнение пробелов в понятийном аппарате науки и строгом содержании закона тем более актуально, что “политика творится не только действиями, но также писаным и устным словом”¹¹.

Наконец, последний момент, требующий упоминания в связи с проведением принципа диалогизма в этнополитической деятельности – ценностная ориентация. Это требование — рассматривать мир объекта через призму его значения для субъекта; субъективное отношение к действительности доминирует, это – взгляд на этнополитическую реальность с позиций желаемого, с точки зрения учета и выражения интересов и потребностей субъекта. Конечно, такой подход грешит излишней идеологизацией, но знание идеологии совершенно необходимо субъекту взаимодействия для ориентации и программирования действия в сфере политики, ибо представляет собой прежде всего сформулированную структуру идеалов и ценностей.

Таковы основные положения, которые мы бы хотели осветить в данной статье в связи с возможностью по-новому посмотреть на современное этнополитическое строительство в России. Безусловно, возможности данной темы не исчерпываются рамками настоящей публикации, но дальнейшие проработки предполагают уже не теоретическое, а практическое применение продекларированных подходов, выход в поле динамичной этносоциальной реальности.

Примечание

- ¹ Боришполец К. Этничность и политика (Некоторые тенденции и результаты развития современных прикладных исследований) // Вестник Московского Университета. Серия 18. Социология и политология. 1999. № 4. С. 4.
- ² См.: Марченко Г. И. Этнополитология как наука // Вестник Московского Университета. Серия 12. Социально-политические исследования. 1994. №3.
- ³ Так, за период с середины 80-х годов, когда методологическая проблема понимания стала предметом широкой научной дискуссии (см. серию публикаций по итогам круглого стола: Понимание как философско-методологическая проблема // Вопросы философии. 1986. № 7 – 9), и по настоящее время, появилось огромное количество материала, посвященного данной тематике. В первую очередь, необходимо отметить издание непосредственно работ классиков, например: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995; Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994; Дильтей В. Описательная психология. Спб., 1996; Шюц А. Возвращающийся домой // Социологические исследования. 1995. № 2 и т. д. Во-вторых, “понимающей” методологии посвящены и многие критические статьи, опубликованные в различных социологических, психологических и философских журналах. Все эти работы и публикации, а также монографические исследования отечественных и зарубежных ученых оказали самое непосредственное влияние на формирование концепции “диалогической социологии”.
- ⁴ Это определение возникло из аналогии с “философией диалогизма” М. Бахтина, позиции которого в определении роли и места диалога нам очень близки, но оно носит скорее образный акцентирующий характер и нуждается в дальнейшем уточнении.
- ⁵ Бахтин М. М. Архитектоника поступка // Социологические исследования. 1986. № 2. С. 163.
- ⁶ Там же. С. 164.
- ⁷ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
- ⁸ См.: Соколовский С. В. Понятие “коренной народ” в российской науке, политике и законодательстве // Этнос. Общество. Государство. 1998. №3.
- ⁹ Эта проблема слабо освещается в краевых или федеральных СМИ, однако основные этапы ее решения и более менее подробное и регулярное описание жизнедеятельности шапсугского этноса отражены в специально для этих целей созданном периодическом издании – газете “Шапсугия”. Что касается научного интереса к этому вопросу, то он лишь совсем недавно оформился в серию публикаций, посвященных “шапсугской проблеме” – см.: Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. 1999. № 1.
- ¹⁰ Там же. С. 86.
- ¹¹ Демидов А. И. Понимание в политике // Политические исследования. 1999. №3. С. 131.

